

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра английского языка и литературы
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему «Стилистические особенности политических речей Джона Кеннеди»

Исполнитель _____ Таджибаев Бекзод Орунбаевич _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ к.ф.н., доцент _____
(ученая степень, ученое звание)
_____ Минина Ольга Георгиевна _____

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой
_____ к.ф.н., доцент _____
(ученая степень, ученое звание)
_____ Родичева Анна Анатольевна _____

«24» июня 2022г.

Санкт–Петербург

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Стилистические особенности политического дискурса	6
1.1 Понятие политического дискурса, как средства публичной речи	6
1.2 Основные признаки политического дискурса	12
1.3 Лингвостилистические характеристики англоязычного политического дискурса	18
Глава 2. Анализ стилистических особенностей публичных выступлений политических лидеров (на примере выступлений Джона Кеннеди)	26
2.1 Лингвостилистические характеристики англоязычного политического дискурса на примере выступлений Джона Кеннеди	26
2.2 Анализ лингвостилистических средств повышения выразительности и экспрессивности в политическом дискурсе на примере текстов выступлений Джона Кеннеди	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	64
ПРИЛОЖЕНИЕ	71

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена тем, что политический дискурс оказывает определяющее влияние на появление у коллективного или индивидуального адресата заданных ценностей и установок. Политическая речь составляется и произносится, по сути, с одной целью – оказать влияние на слушающих. Соответственно для лингвистики особый интерес представляют языковые средства, при помощи которых адресант (политик) воздействует на адресата.

Политический текст представляет собой самостоятельное явление, имеющее различные дискурсивные способы конструирования реальности в политической полемике. Политики используют различные языковые средства – лексические, семантические, стилистические – для того, чтобы политическая речь стала средством пропаганды и орудием идеологической борьбы. В рамках лингвистики особый интерес представляют лексические, грамматические, семантические и стилистические особенности применяемых политиком речевых стратегий. Выявление стилистических особенностей политических речей, средств и методов воздействия на адресата на примере речей выдающихся политиков является особенно актуальным.

Цель исследования – выявить стилистические особенности политического дискурса на примере речей Джона Кеннеди.

Задачи исследования:

1. Дать понятие политического дискурса и выделить его типы.
2. Изучить структурные и лингвистические особенности публичной речи политиков.
3. Провести стилистический анализ публичных выступлений Джона Кеннеди.
4. Выявить лингвистические средства повышения выразительности и экспрессивности в выступлениях Джона Кеннеди.

Объект исследования – политические речи Джона Кеннеди.

Предмет исследования – лингвостилистические особенности речей Джона Кеннеди.

Материал исследования. Материалом практического исследования в настоящей работе послужили оригинальные записи речей президента США Джона Кеннеди:

- инаугурационная речь: John F. Kennedy. Presidential Inaugural Address – delivered 20 January 1961, Washington D. C. (приложение 1);

- вступительная речь в Американском университете, Вашингтон, округ Колумбия, произнесенная 10 июня 1963: Commencement Address at American University, Washington D.C. – delivered 10 June, 1963 (приложение 2).

Диаграмма стилистического анализа публичных выступлений. (приложение 3).

Методологическая база исследования включает в себе диссертации, статьи, учебные пособия и монографии таких авторов, как В.В. Бабушкина [1], О.А. Барташова [2], М.М. Бахтин [3], Е.М. Виноградов [8], Е.В. Жданова [14], В.А. Маслова [28], М. Н. Сурова [45], А.П. Чудинов [49], и других.

За единицу исследования было принято сверхфразовое единство, содержащее стилистический прием. Общее количество рассмотренных единиц – 50.

Методы исследования. В работе применялись методы: лингвистического анализа текста, контекстуального анализа, стилистического анализа текста.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании практического курса английского языка в вузе и общеобразовательной школе, на уроках английского языка по темам стилистики, риторики, страноведению, а также в курсах стилистики и риторики.

Структура исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений. Список использованной литературы состоит из 62 источников, из них 10 на английском языке.

Апробация работы. Результаты исследования были апробированы в рамках научной студенческой конференции института «Полярная академия», Студенческой научно-практической конференции с международным участием «Мультикультурный мир: проблемы взаимопонимания». По результатам исследования имеется публикация на английском языке в сборнике материалов конференции. Работа выполнена по заказу средней школы N2 Дашогузской области Кеняургенчского района Туркменистана.

Глава 1. Стилистические особенности политического дискурса

1.1 Понятие политического дискурса, как средства публичной речи

Понятие дискурса представляет новую, парадигму лингвистического знания, по мнению Кубряковой Е.С., когнитивно-дискурсивную парадигму, и вопросы анализа политического дискурса как наиболее влиятельного на общественное сознание и широко распространенного в средствах массовой коммуникации, определение лингвистических и экстралингвистических особенностей порождения, являются особенно актуальными [26].

Ученый Т.А. ван Дейк определяет дискурс как коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие [13].

Дискурс представляет собой многокомпонентное целое, которое создается множеством специально отбираемых и сочетающихся определенным способом языковых единиц, служащих строительным материалом для речевых актов, являющихся актами коммуникации, как частей определенной глобальной целостности. Политический дискурс представляет собой по большому счету текст, погруженный в ситуацию общения, допускающий множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении. При этом политический дискурс представляет собой связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами.

Важно также понимать, что дискурс представляет собой единство и взаимодействие текста и контекста. Дискурс в целом, как отмечает

ученый Маслова В.А. представляет собой завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения [28].

Можно выделить основные подходы к политическому дискурсу:

1) Коммуникативный (функциональный) подход позволяет определить политический дискурс, как вербальное общение, диалог, беседа, речь с позиции говорящего в противоположность повествованию. В рамках данного подхода дискурс трактуется как «некая знаковая структура, которую делают дискурсом ее субъект, объект, место, время, обстоятельства создания.

2) Структурно-синтаксический подход позволяет определить политический дискурс как фрагмент текста, то есть образование выше уровня предложения. Под дискурсом в данном случае понимаются два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи друг с другом [12].

3) Структурно-стилистический подход позволяет определить политический дискурс, как нетекстовую организацию разговорной речи.

4) Социально-прагматический подход позволяет определить политический дискурс, как текст, погруженный в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний.

В самом общем виде политический дискурс все-таки представляет собой речь, погруженную в жизнь, и анализировать текст политических деятелей необходимо согласно ситуации общения, принимая во внимание контекст и такие особенности, как время и получатели сообщения. Наиболее продуктивным в практическом анализе является социально-прагматический подход.

Важно понимать в данном случае, что сущность развитой системы политической коммуникации заключается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия. Тем самым роль политика заключается не просто в том, чтобы скрывать свои мысли, но в том, чтобы, скрывая одни мысли и не скрывая других, стремиться к принятию таких решений, которые в той или иной мере удовлетворяют всех членов социума. Только это может обеспечить формирование правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, образуют политический дискурс [42].

В целом, под «политическим языком» понимается особая знаковую систему какого-либо национального языка, предназначенную для политической коммуникации, для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействие на граждан страны и побуждения их к политическим действиям для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

Говоря непосредственно о политическом дискурсе, следует подчеркнуть, что политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий. Как и всякий другой дискурс, политический дискурс имеет полевое строение, в центре которого находятся те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации – борьбе за власть [22].

Политический дискурс может быть представлен в речах политических деятелей, в парламентских дебатах и др. В периферийных жанрах функция борьбы за власть переплетается с функциями других видов дискурса, при этом происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте.

В частности, политический дискурс пересекается с педагогическим как политическая социализация личности, специфика

пограничного образования состоит в двумерном модусе формальном и неформальном политическом воспитании, осуществляемом через государственные учебные учреждения и в быту (в разговорах с родителями, сверстниками, соседями).

Юридический дискурс пересекается с политическим в сфере государственного законодательства. Политическая реклама представляет собой гибридный жанр политического и рекламного дискурса и направлена на регуляцию ценностных отношений в обществе, для политической рекламы характерны резкое сужение тематики, упрощенность в подаче проблемы, употребление ключевых слов, простых, но выразительных образов, повторение лозунгов, тавтология. Пересечение политического и религиозного дискурса возникает в сфере мифологизации сознания, веры в магию слов, признании божественной роли лидера, использовании приемов манипуляторного воздействия и ритуализации общения. Политический дискурс граничит и со спортивно-игровым, борьба за власть разыгрывается как состязание [36].

Важной особенностью политического дискурса является тот факт, что политики часто пытаются завуалировать свои цели, используя номинализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание электората и оппонентов. Данные явления необходимо анализировать при выявлении стилистических особенностей речей политиков [4].

Обращаясь к проблеме содержания и объема понятия политический дискурс, важно отметить, что даже самые поверхностные размышления о том, какие речевые жанры включаются в сферу политического дискурса, вызывают вопросы, на которые не существует однозначных ответов.

Политический дискурс образует совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом.

При таком узком понимании политический дискурс ограничивается институциональными формами общения. Стоит также заметить, что такие термины как: язык политики, политическая коммуникация, политический дискурс, в большинстве современных работ по лингвистике используются как взаимозаменяемые, что не совсем верно, данные понятия отличаются.

Относительно политического языка, то существуют разные точки зрения на его лингвистический статус. Одни ученые пользуются термином «политический дискурс», как доказанным феноменом, и не требующим комментария, другие ученые подвергают сомнению само существование феномена политического языка, третьи, не отрицая факт существования, пытаются определить, в чем заключается своеобразие [8].

В целом, общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушать адресатам (гражданам сообщества) необходимость «политически правильных» действий или оценок.

Отличает политический дискурс от всех других видов дискурса тот факт, что цель политического дискурса – убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к определенному действию, что и формирует специфические проявления дискурса в речи, в языке [31].

Специфика политики, в отличие от других сфер человеческой деятельности, заключается в дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями.

Многие ученые считают, что политическая деятельность сводится к деятельности языковой, в современной политологии наблюдается

тенденция рассматривать язык не столько как средство отражения политической реальности, сколько как компонент поля политики в целом

Таким образом, политический дискурс представляет собой тип институционального дискурса, специализированную разновидность общения, обусловленную социальными функциями партнеров и регламентированную как по содержанию, так и по форме. Политический дискурс как разновидность убеждающего дискурса отмечен манипуляторной спецификой, которая выражается в оказании речевого воздействия на адресата с целью внести когнитивные изменения в картину мира, которые повлекут за собой регуляцию диспозиций и деятельности адресата в пользу адресанта.

Целью политического дискурса является воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убеждения, призыва к совершению или не совершению им определенных действий. При таком виде коммуникации человек сознательно продуцирует высказывания, которые направлены на то, чтобы вызвать определенную реакцию у реципиента [14].

Речевое воздействие в политическом дискурсе осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операции над знаниями адресата, над ценностными категориями, эмоциями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политический дискурс представляет собой речь (текст), и анализировать текст политических деятелей необходимо согласно ситуации общения, принимая во внимание контекст и такие особенности, как время и получатели сообщения. Наиболее продуктивным в практическом анализе является социально-прагматический подход.

В рамках социально-прагматического подхода появляется возможность анализировать языковые особенности вместе с идеологическими и социальными.

1.2 Основные признаки политического дискурса

Политический дискурс относится к институциональному типу. Как отмечает ученый Маслова В.И. институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [29].

Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения.

Цель политического дискурса – завоевание и удержание власти.

Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к агентам (клиенты).

В политическом дискурсе четко представлены статусные роли – политик и избиратель. Участники институционального дискурса весьма отличаются по своим качествам и предписаниям поведения. В связи с расширением и возрастанием роли средств массовой информации в современном мире усилилось политическое воздействие и манипуляция общественным сознанием.

Политический дискурс является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом и, таким образом, влияет на формирование у реципиентов мировоззрения и картины мира [29].

Ученый Михалева О.Л. рассматривают политический дискурс как совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом [30].

Более узкого понимания политического дискурса придерживается Карамова А.А., отмечая, что политический дискурс представляет собой дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков. Политический дискурс ограничивается деятельностью политиков. Таким образом, ученый подчеркивает институциональный характер политического дискурса [18].

В понимании многих ученых дискурс стоит считать политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих данного дискурса: адресат, адресант или содержание текста или произведения [25].

В центре политического дискурса находятся первичные жанры (дебаты, выступления, речи и т.д.), на периферии находятся вторичные жанры, сочетающие в себе элементы политического и других видов дискурса.

Полевой подход позволяет выделить особые сферы соприкосновения политического дискурса с другими институциональными видами дискурса и неинституциональными формами общения. В данном подходе политический дискурс понимается, как своеобразная знаковая система, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий. Другими словами, речь идет не просто о языке как важном факторе политики, но конкретно о языке политики [37].

Политический язык, как подсистема как английского, так и русского языков представляет собой сферу повышенной речевой ответственности.

Политический язык представляет собой официальный язык государственной власти, средства воздействия которого отличаются от языковых средств, используемых в художественной, публицистической

и разговорной речи. В самом широком смысле политический язык понимается, как особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений [32].

Некоторые ученые при этом рассматривают политический язык как ориентированный на сферу политики вариант национального языка. Рассмотрение политического языка как «подъязыка» подчеркивает стилистическую неоднородность. Очевидно, что подъязык представляет собой как бы продольный срез с национального языка в аспекте определенной профессиональной деятельности. В таком подходе язык современной политической коммуникации отличается сложным переплетением признаков общеупотребительной речи, жаргона, официально-деловой и научной речи.

Таким образом, политический дискурс представляет собой определенный вид практической речевой деятельности, структурированный текстами (понятиями, концептами) и обслуживающий политические процессы.

Политический дискурс характеризуется особым словарем, смысловыми связями между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений. В политическом дискурсе обнаруживается примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным [21].

Характерными признаками политического дискурса являются:

- смысловая неопределенность (политик часто предпочитает высказывать свое мнение в максимально обобщенном виде),
- фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата),

- фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание),
- эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным),
- дистанцированность,
- театральность [30].

Таким образом, политический дискурс относится к институциональному типу и представляет собой совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях. Существует два подхода к пониманию политического дискурса – широкий и узкий. В узком понимании политический дискурс ограничивается деятельностью политиков, то есть представляет собой язык, на котором разговаривают только политики. В широком понимании дискурс может считаться политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: адресат, адресант или содержание произведения.

Политический дискурс также обладает своим языком – особой знаковой системой, предназначенной именно для политической коммуникации. Данный язык и является предметом исследования в речах политических деятелей. Политический язык понимается, как официальный язык государственной власти, средства воздействия которого отличаются от языковых средств, используемых в художественной, публицистической и разговорной речи.

Политический дискурс имеет отличительные признаки в том смысле, что всегда будет манипулятивным и направленным на воздействие.

Ученые Парастаев Г.Н. в своей работе «Лексико-семантические особенности американского политического дискурса: на примере исторических и общественно-политических реалий» утверждает, что манипулятивность является неотъемлемой чертой публичных выступлений политиков [35].

При этом все чаще применяется обращение к историческим и общественно-политическим реалиям для усиления манипуляции.

В исследовании политического дискурса особое значение анализ лексико-семантических особенностей и функций языковых реалий в американском политическом дискурсе, выявление специфики контекста, в котором употребляются исторические и общественно-политические реалии.

Ученые провели огромное количество анализов речи политических деятелей и выделили наиболее часто употребляемые исторические и общественно-политические реалии в текстах публичных выступлений американских политиков. На основании практического анализа также было выделено множество языковых средств, которые обеспечивают усиление манипулятивного воздействия употребляемых исторических и общественно-политических реалий на слушателей данных речей [35].

В частности, Парастаев Г.Н. утверждает, что кроме употребления известных исторических и политических реалий, часто употребляемые в речах американских президентов языковые единицы становятся историческими реалиями. Важной является группировка общественно-политических реалий по тематическому принципу при анализе американского политического дискурса:

- военные реалии,
- экономические реалии,
- спортивные реалии,
- исторические реалии [35].

При анализе политических речей важно выделять общественно-политические и исторические реалии в текстах выступлений.

Реалии (исторические и общественно-политические) имеют значение только для определенного народа и в определенный период времени.

Другими словами, употребление какой-либо реалии английским политиком в 60-х годах (например, Джон Кеннеди) могло оказывать сильнейшее манипулятивное влияние и побуждение к действию. Однако употребление той же самой реалии через несколько десятков лет в той же самой стране или в другой стране не имело бы никакого эффекта и воздействия на публику.

Ученый Забело Т.В. в своей работе «Лингвистическая специфика политического дискурса» проводит анализ лингвистических особенностей политического дискурса на материале социальных новостных сетей. Ученый на основании анализа социальных новостных сетей доказывает формирование политического дискурса в пространстве сети Интернет, как особый вид дискурса. Политический дискурс на страницах социальных сетей выделяется автором в отдельную разновидность дискурса, который имеет отличия и специфические характеристики. Ученый изучает политический дискурс в контексте межгосударственных геополитических конфликтов и выделяет различные «содержательные типы» новостных материалов [15].

На основании анализа ученые дают определение политического дискурса, как «речевых образований, субъект, адресат и содержание которых относится к сфере политики». Другими словами, все, что говорится политиком в сфере своей политической деятельности относится к политическому дискурсу.

Важное внимание необходимо уделять признакам и функциям политического дискурса в плане способности формировать общественное мнение. Также важно понимать, что политический язык – всегда язык, применяемый в манипулятивных целях, и адресаты (читатели, слушатели) выступают не просто в роли свидетелей, но подвергаются давлению.

Многие ученые выделяют характеристики политического дискурса [28]:

- оценочность,
- агрессивность,
- полемичность,
- убеждение,
- побуждение к действию.

Данные характеристики необходимо выделять при анализе стилистических особенностей политических речей. Необходимо проводить анализ политических речей необходимо на примере всех имеющихся материалов (газеты, радио, телевидение, Интернет, социальные сети).

При этом с учетом того, что политический дискурс на страницах социальных сетей обладает собственными характеристиками и представляет собой отдельную разновидность политического дискурса, необходимо изучать политические речи на материале новостных сетей отдельно.

Также при анализе политических речей Джона Кеннеди необходимо также учитывать интерпретацию высказываний политика другими авторами, представленными гораздо позже, в том числе в сети Интернет.

1.3 Лингвостилистические характеристики англоязычного политического дискурса

Англоязычный политический дискурс имеет свои лингвостилистические особенности, отличающие его от других видов политического дискурса.

В частности, характерными чертами англоязычного политического дискурса в плане лексики являются весьма широкое использование профессиональной политической терминологии, частое

употребление высокопарных, книжных слов, клише и штампов, необразных устойчивых фраз.

Можно отметить в англоязычном политическом дискурсе многочисленные заимствования в словаре английского языка, которые главным образом вошли из латинского и французского языков. Данные заимствования способствуют созданию торжественного, консервативно-возвышенного стиля. Реже в английском языке встречаются греческие, немецкие и итальянские заимствования. Отмечается также широкое использование в английском политическом языке неассимилированных французских слов и выражений [7].

Для англоязычного политического дискурса, который отличается высокой плотностью информации, типично наличие общепринятых и авторских сокращений. В политическом дискурсе часто появляются ссылки и цитаты (как правило, с точным указанием источников). Кроме того, англоязычный политический дискурс изобилует выражениями известных людей.

В политическом англоязычном дискурсе встречается множество имен собственных (персоналий, названий народов, стран, географических объектов, наименований учреждений, культурно-исторических объектов). Также часто встречаются прилагательные, образованные от фамилий, которые либо указывают на конкретную личность, либо обобщенно характеризуют явление или объект. Обращает на себя внимание обилие стереотипных зачинов.

Важно также подчеркнуть, что язык политических текстов, статей и докладов в лексическом плане обычно сухой (как следствие использования многочисленных клишированных фраз и всевозможных штампов), абстрактный, возвышенный, с высоким уровнем обобщенности [35].

В англоязычном политическом дискурсе наблюдаются авторские художественно-творческие элементы, которые сводятся к созданию

новых терминов. Особое внимание обращают на себя новообразования в лексике. Научные исследования политических процессов и тенденций предполагает появление новых открытий, введение новых понятий и новой терминологии.

В англоязычном политическом дискурсе также фигурирует много неологизмов, предложенных политиками [5].

Отдельной лингвостилистической особенностью политических текстов в англоязычном политическом дискурсе является эмоциональная и оценочная лексика. Оценочная лексика, оценочная информация, репрезентируемая оценочными лексическими единицами, является способом реализации основных функций политического дискурса – информативной и воздействующей

При этом следует отметить, что воздействующий потенциал лексических единиц в англоязычном политическом дискурсе реализуется только в условиях контекста в соответствии с интенцией отправителя сообщения [33].

Аспектом эмоционального воздействия в англоязычном политическом дискурсе являются различные тропеические и аранжировочные выразительные средства, в особенности – эпитеты, метафоры, идиомы, антитеза, параллельные конструкции [4]. Также выделяют перифраз, риторический вопрос, градацию.

Речи политиков приобретают большую экспрессивность и убедительность за счет приема лексического повтора, который заключается в повторе одного и того же слова, либо речевой конструкции в предложении. Использование данного языкового приема в англоязычном политическом дискурсе способствует процессу политической манипуляции, также способствует созданию образа политика, соответствующего ролевым ожиданиям [35].

В англоязычном политическом дискурсе часто употребляются идеологемы, так как идеологемы являются эффективным средством

управления массовым сознанием. Таким образом, для англоязычного политического дискурса характерны следующие лингвостилистические особенности:

- профессиональная политическая терминология;
- многочисленные заимствования из латинского и французского языков;
- высокопарные книжные слова, клише и штампы, необразные устойчивые фразы;
- общепринятые и авторские сокращения;
- ссылки и цитаты;
- имена собственные; прилагательные, образованные от фамилий;
- авторские художественно-творческие элементы, которые сводятся к созданию новых терминов; новообразования в лексике; введение новых понятий и новой терминологии; неологизмы;
- эмоциональная и оценочная лексика;
- различные тропеические и аранжировочные выразительные средства;
- прием лексического повтора;
- идеологемы.

Как отмечает Павлычева Е.Д. в своей работе «Типология речевых портретов политиков в американском лингвистическом дискурсе» можно выделить специфические структурно-содержательные позиции типологии речевых стратегий на примере речевых портретов американских политиков. Ученый рассматривает типологию речевых стилей на основании анализа различных теорий и подходов, в рамках которой выделяются следующие речевые стили – интимный, повседневный, консультативный, формальный и «замороженный». Каждый речевой стиль обладает собственными специфическими характеристиками, проявляющимися в речи [33].

Ученый предлагает классификацию речевых стилей, в рамках которой выделяются стили – литера «А» - повседневная и спонтанная речь, литера «В» - осторожная речь, литера «С» - речь литературного чтения, литера «D» - контрольный тип речи. Исследуется более подробно риторическая типология речевых стилей американских политиков, построенная на институциональном подходе, выделяя речевые портреты на основании идеологии.

С учетом особенностей американской политической системы выделить можно два глобальных направления – речь политика будет либо консервативной (представитель республиканской партии), либо либеральной (демократическая партия). В данной типологии речевая стратегия консервативного направления будет включать обращение к обеспеченным, направленность на пользу приобретений, упор на защиту достижений и предотвращение потерь.

В рамках либерального направления речевая стратегия будет включать обращение политика к «неимущим», обращение к недовольству и гневу тех кто не обеспечен, призыв изменить положение вещей к лучшему. Также выделяется типология, в рамках которой представлен оригинальный речевой стиль политиков, ораторский речевой стиль и коммуникативный речевой стиль. Причем данные речевые стили политиков расположены в историческом порядке, и коммуникативный стиль является изобретением политиков уже XX века.

На основании выделенных нескольких речевых стратегий необходимо отнести изучаемого политика к одной из уже выделенных стилей [33].

Анализируя лингвостилистические особенности политического дискурса, многие ученые, в частности, Зданевич К.В. приходят к выводу, что политическая коммуникация является особым видом политических отношений, посредством которого субъекты, занимающие

доминирующее положение в политике (президенты, кандидаты в президенты и др.), распространяют общественно-политические идеи своего времени. При таком подходе политический дискурс представляет собственный особый язык политической коммуникации [15].

Политический дискурс является способом толкования социальной реальности в ключевых терминах политики. Причем политический дискурс, как особый вид практической речевой деятельности, обладает собственным словарем (понятием, концептами), смысловыми связями между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений.

Следовательно, можно говорить о лингвостилистических особенностях речи каждого субъекта политического дискурса. Зданевич К.В. выделяет два основных направления политического дискурса [15]:

- институциональный политический дискурс (только тексты, созданные самими политиками – парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления, интервью политических лидеров и др.).

- политический дискурс СМИ, которые включает тексты, созданные журналистами и распространяемые в газетах, радио, телевидение, Интернет.

Такое разделение имеет очень важное значение – речи политиков (Джона Кеннеди) можно не только изучать в рамках обоих направлений, но важным будет провести сравнение между – стилистическими особенностями институционального политического дискурса и политического дискурса СМИ. То есть важно сравнить официальные тексты выступлений Джона Кеннеди и тексты, написанные о нем журналистами в средствах массовой информации.

Важным для практического анализа является вывод многих ученых, что важное место в политических речах в рамках англоязычного политического дискурса занимает политическая афористика [24]:

- пословицы и поговорки;
- крылатые слова (цитаты, выражения, изречения);
- призывы, девизы и лозунги;
- общественно научные формулы;
- естественно-научные формулировки.

Таким образом, политический дискурс необходимо исследовать со всех сторон, необходимо изучать речевые образования политиков (устные или письменные), реализуемые вербально за счет лингвостилистических особенностей. Учитывать необходимо, что язык власти (политические речи) имеют манипулятивную основу, и применяют собственные языковые средства.

Таким образом, можно сделать вывод, что дискурс представляет собой завершенное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия во временном, пространственном контексте. При этом речевой акт рассматривается в совокупности с различными факторами, с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и другими факторами.

Политический дискурс относится к институциональному типу и в узком понимании ограничивается деятельностью политиков. В широком понимании дискурс может считаться политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: адресат, адресант или содержание произведения.

Политический дискурс обладает своим языком – особой знаковой системой, предназначенной именно для политической коммуникации.

Также можно сделать вывод, что лингвостилистические особенности политического дискурса, следующие: профессиональная

политическая терминология, книжные слова, необразные устойчивые фразы, заимствования, общепринятые и авторские сокращения, ссылки и цитаты, имена собственные, новые термины и неологизмы, эмоциональная и оценочная лексика, тропеические и аранжировочные выразительные средства, идеологемы.

Глава 2. Анализ стилистических особенностей публичных выступлений политических лидеров (на примере выступлений Джона Кеннеди)

2.1 Лингвостилистические характеристики англоязычного политического дискурса на примере выступлений Джона Кеннеди

В практическом исследовании проводится анализ лингвостилистических характеристик англоязычного политического дискурса на примере выступлений политика Джона Кеннеди. В работе выделяются лингвостилистические средства, примененные политиком при произнесении инаугурационной речи.

Материалом практического исследования в настоящей работе послужила запись оригинальной речи президента США Джона Кеннеди, произнесенная на инаугурации 20 января 1961 года (John F. Kennedy. Presidential Inaugural Address – delivered 20 January 1961, Washington D.C.) [53].

Важно отметить, что Джон Кеннеди тщательно готовился к инаугурационной речи Кеннеди и начал подготовку задолго до января 1961 года. Джон Кеннеди тщательно изучал речь Авраама Линкольна (знаменитая Геттисбергская речь) и инаугурационные речи предыдущих президентов. При составлении инаугурационной речи Джону Кеннеди помогал спичрайтер Тед Соренсен, также Джон Кеннеди просил других людей, включая священнослужителей, внести свои предложения в текст будущей речи.

Несмотря на тщательную подготовку во время произнесения речи Джон Кеннеди часто отклонялся от написанного текста, специалисты подсчитали, что было сделано 32 спонтанных изменения от оригинального текста речи [53].

Очевидно, что инаугурационная речь Джона Кеннеди максимально соответствует англоязычному политическому дискурсу, и, следовательно, содержит все характерные признаки и лингвостилистические особенности. В речи применяется профессиональная политическая терминология, устойчивые фразы,

некоторые клише и штампы. Джон Кеннеди был прекрасным оратором и использовал различные стилистические средства для усиления эффекта.

В речи Джона Кеннеди применялись лингвостилистические средства повышения выразительности и передачи экспрессивности:

1. Антитеза – представляет собой резкое противопоставление слов, понятий, образов, то есть является резким контрастом лексических средств.

2. Параллелизм – представляет собой тождественность различных отрывков текста, то есть очень похожее или даже одинаковое построение отрезков речи, расположенных рядом [45].

3. Аллитерация – представляет собой повторение одинаковых или однородных согласных и часто употребляется в поэтической речи.

4. Метафора – представляет собой употребление слов в переносном значении, применяется для усиления выразительности речи.

5. Олицетворение – представляет собой специальный прием, когда неодушевленные предметы наделяются свойствами, обычно присущие живым существам. Прием часто называется персонификацией.

6. Парадокс – предоставляет собой словесную композицию, которая содержит большой заряд выразительности, смысл заключается в том, что вывод не совпадает со сказанным ранее, противоречит представленной информации.

7. Лексический повтор – представляет собой намеренное повторение в одном отрывке текста одного и того же слова, или одной и той же речевой конструкции, применяется для усиления смысла высказывания [33].

8. Анафора – представляет собой стилистический прием, при котором повторяются начальные части предложений, находящихся рядом в тексте.

9. Аллюзия – представляет собой фигуру речи, в которой упоминается объект, напрямую не связанный с содержанием, но содержащий в себе намек.

10. Антиметабола – представляет собой повторение во второй части предложения слов, которые в первой части стоят в другом порядке.

11. Инверсия представляет собой изменение прямого порядка слов или словосочетаний в предложении.

12. Перифраз – предоставляет собой замену определенного слова описательным выражением.

Инаугурационная речь Джона Кеннеди имеет множество стилистических приемов, риторических приемов и лингвистических особенностей.

В самом начале речи применяется такой прием, как антитеза, то есть противопоставление контраст различных понятий.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>We observe today not a victory of party but a celebration of freedom...</i> ».	«Мы являемся свидетелями не победы партии, а торжества свободы...»	Антитеза – контраст, противопоставление победы партии и торжества свободы.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>...symbolizing an end, as well as a beginning -- signifying renewal, as well as change...</i> ».	«...символизирующее как конец, так и начало, означающее обновление, также перемены».	Антитеза – контраст конца и начала, обозначающего обновление и перемены.

В приведенных примерах употребляется четкое противопоставление «*not a victory of party but a celebration of freedom*», когда одно явление («*victory of party*») однозначно признается отрицательным, а противопоставление однозначно признается положительным («*celebration of freedom*»).

Важно понимать культурные особенности, для американской культуры «победа партии» («*party*») воспринимается изначально, как нечто негативное, но победа «свободы» («*freedom*») воспринимается действительно, как торжество. Поэтому противопоставляются два явления, которые имеют большое значение для конкретной аудитории политика. Джон Кеннеди четко обозначает, что победила в выборах не партия, но именно свобода, причем для усиления эффекта употребляется не победа, но «торжество свободы» («*celebration of freedom*»).

Прием антитезы применяется в словосочетании «*an end, as well as a beginning – signifying renewal, as well as change*», однако одно явление «*an end*» не однозначно считается отрицательным, но все же противопоставляется более лучшему явлению «*a beginning*», которое несет в себе обновление («*renewal*») и перемены («*change*»). Здесь также важно учитывать экстралингвистические факторы, не во всех культурах перемены считаются всегда положительными, для консервативных обществ, наоборот, перемены символизируют разрушение.

Однако именно для США «перемены» («*change*») является очень значимым словом, именно поэтому Джон Кеннеди в самом начале своей речи дает понять, что дает новое начало и его президентство принесет перемены. Подчеркнуть это можно было при помощи противопоставления того, что считается негативным (конец) и тем, что считается позитивным (начало).

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>the belief that the rights of man come not from the generosity of the state but from the hand of God</i> ».	«... вера в то, что права человека исходят не от щедрости государства, а от руки Бога»	Антитеза – контраст, противопоставление щедрости государства и «руки Бога».

В речи Джон Кеннеди можно встретить довольно много таких лингвостилистических особенностей, как антитеза.

В частности, когда политик говорит о правах человека, он подчеркивает, что права человека исходят «*not from the generosity of the state*» (не от щедрости государства), но «*but from the hand of God*» (от руки Бога).

Здесь также необходимо учитывать специфику англоязычной культуры США 1960-х годов, страна никогда не была атеистической и упоминание о том, что права человека «исходят от руки Бога», воспринимается как положительный посыл, причем противопоставляется земная власть «щедрость государства» и власть высшая (рука Бога), что воспринимается однозначно положительно.

Антитеза применяется в очень известной, крылатой, фразе Джона Кеннеди.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country</i> ».	«Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спросите – что вы можете сделать для вашей страны».	Антитеза – противопоставление того, что может сделать страна для человека и что человек может сделать для страны.

Противопоставление наблюдается в поведении и отношении людей к тому, что «*you country can do for you*» (страна может сделать для вас) и того, «*what you can do for your country*» (что вы можете сделать для своей страны). В данном примере противопоставляются не только объекты или явления, речь идет даже не о поведении, но уже о внутреннем отношении и убеждениях людей.

Интересный факт, но фраза «*Ask not what you country can do for you, ask what you can do for your country*» была изменена из девиза школы, в которой учился Джон Кеннеди. Оригинально фраза звучала таким образом: «*Ask not what your school can do for you – but what you can do for your school*» («Не спрашивай, что твоя школа может сделать для тебя, а что ты можешь сделать для своей школы»). Следовательно, прием антитезы был заимствован.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>Let us never negotiate out of fear, but let us never fear to negotiate</i> ».	«Давайте никогда не будем вести переговоры из страха, но давайте никогда не будем бояться вести переговоры».	Антитеза – противопоставление, контраст между страхом вести переговоры и отсутствием страха

В примере «*Let us never negotiate out of fear, but let us never fear to negotiate*» применяется противопоставление «*never negotiate out of fear*» (вести переговоры из страха) и «*never fear to negotiate*» (не бояться вести переговоры). Также в данном примере применяется такой прием, как игра слов.

Антитеза может включать двойное противопоставление одному явлению.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>not because the communists may be doing it, not because we seek their votes, but because it is right...</i> »	«... не потому, что коммунисты могут сделать это, не потому что мы ищем их одобрения, но потому что это правильно...».	Антитеза – противопоставление двух явлений (коммунисты могут сделать это и одобрение коммунистов), тому, что это правильно сделать.

В данном предложении речь идет о том, чтобы помочь народам, которые проживают в нищете, и противопоставляется «*communists may be doing it*» и «*we seek their votes*» тому, что сделать это будет правильным.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>If a free society cannot help the many who are poor, it cannot save the few who are rich...</i> »	«...Если свободное общество не может помочь многим бедным, оно не может спасти немногих богатых...».	Антитеза – контраст между обществом, которое, если не может помочь многим бедным, не сможет спасти немногих богатых.

В данном предложении употребляется еще одно противопоставление.

Контраст между бедными и богатыми, усиливается противопоставлением между «*many poor*» (многими бедными) и «*few rich*» (немногими богатыми).

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>Not as a call to bear arms... not as a call to battle..., but a call to bear the burden of a long twilight struggle...</i> »	Не как призыв к оружию... не как призыв к битве... но призыв нести бремя долгой сумеречной борьбы.	Антитеза – контраст противопоставление между призывом к оружию, призывом к битве и призывом нести бремя долгой борьбы.

В данном примере также можно увидеть, что при применении антитезы противопоставляется два разных явления «*a call to bear arms*» и «*a call to battle*» одному явлению «*a call to bear the burden of a long twilight struggle*».

Антитеза применяется в речи политика Джона Кеннеди довольно часто вместе с другим риторическим приемом, параллелизмом.

Параллелизм – представляет собой представляет собой тождественность различных отрывков текста, параллелизм представляет похожее или даже одинаковое построение отрезков речи, расположенных рядом.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>United there is little we cannot do in a host of cooperative ventures. Divided there is little we can do...</i> »	«Объединившись, мы сможем свершить множество совместных дел. Разъединенные, мы почти ничего не сможем сделать...»	Параллелизм – проводится параллель между «united» (объединением) и «divided» (разъединение).

Параллель между «*united*» (объединением) и «*divided*» (разъединение) заключается в противоположных действиях – объединение дает возможность сделать множество дел, разъединение – не дает такой возможности.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>human rights to which this nation has always been committed, and to which we are committed today at home and around the world</i> ».	«...прав человека, которым эта нация всегда была предана и которым мы преданы сегодня, как на родине, так и во всем мире».	Параллелизм – параллель между «committed» (предана) всегда, и «committed» на родине и во всем мире.

В приведенном примере проводится параллель между «*committed today at home*» и «*committed around the world*», подчеркивается преданность защите прав человека и в прошлом, и на родине (в США) и во всем мире.

В речи политика Джона Кеннеди применяются такие приемы, как аллитерация, то есть повторение в нескольких словах одних и тех же согласных, данная лингвостилистическая особенность усиливает воздействие.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>Let us go forth to lead the land we love...</i> »	«Давайте идти вперед, направляя страну, которую мы любим...»	Аллитерация – в предложении 4 слова начинаются с буквы «l»

Прием аллитерации нельзя отразить на русском языке, но в языке оригинала слова «*let*», «*lead*», «*land*» и «*love*» начинаются на букву «*l*», что дает особо запоминающееся звучание предложения и усиливает воздействие.

Аллитерация может строиться таким образом, что повторяются первые две буквы слов первой части предложения, и две первые буквы слов второй части предложения. В частности, в речи политика Джона Кеннеди в предложении «*Pay any price, bear any burden...*», повторяется буква «*p*» в первых двух словах и буква «*b*» в двух словах, второй части предложения.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>we shall pay any price, bear any burden...</i> »	«... мы заплатим любую цену, перенесем любые трудности...»	Аллитерация – 2 слова начинаются с буквы «р» и 2 слова начинаются с буквы «б»

Аллитерация в политическом дискурсе дает особый эффект, так как действует на фонетическом уровне, и легко запоминается. В качестве примера аллитерации на русском языке можно привести в пример фразу: «Претворить добрые слова в добрые дела», где повторяется первая буква слова «д».

Метафора также часто применяется в инаугурационной речи Джона Кеннеди и представляет собой употребление слов в переносном значении, применяется для усиления выразительности речи.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием

« <i>And if a beachhead of cooperation may push back the jungle of suspicion...</i> »	«И если новый принцип сотрудничества сумеет пробиться сквозь путы подозрительности...»	Метафора – «beachhead of cooperation» (плацдарм сотрудничества) должен пробить «jungle of suspicion» (джунгли подозрительности).
---	--	--

При переводе речи Джона Кеннеди на русский язык перевод не передает всю выразительность метафоры. Для англоязычной аудитории «*beachhead of cooperation*» означает именно «плацдарм сотрудничества» (что-то очень крепкое и непоколебимое), который должен пробить «*jungle of suspicion*», что дословно означает «джунгли подозрительности» (непроходимые и запутанные).

Джон Кеннеди часто использует метафор в инаугурационной речи и метафоры считаются одной из основных особенностей политического дискурса.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>to break the bonds of mass misery...</i> »	«...побороть всеобщую нищету...»	Метафора – «break the bonds» (сломать кости) всеобщей нищеты (победить нищету).
«... <i>in casting off the chains of poverty...</i> »	«...сбросить путы бедности...»	Метафора – «the chains of poverty» (цепи нищеты)
«... <i>to be replaced by a far more iron tyranny...</i> »	«... быть замененной более жесткой тиранией...»	Метафора – «far more iron tyranny» (железная тирания)

В речи Джона Кеннеди, как можно увидеть, встречается много метафор, которые не переводятся дословно на русский язык, однако для англоязычной аудитории метафоры, примененные политиком, имеют

сильнейший выразительный эффект и оказывают сильнейшее воздействие.

В частности, политик употребляет «*to break the bonds of mass misery*», то есть «сломасть кости всеобщей нищеты», что звучит намного сильнее и выразительнее, чем «побороть всеобщую нищету».

Точно также «*casting off the chains of poverty*» дословно означает «сбросить цепи бедности», что рисует очень образную картину освобождения от бедности и «*iron tyranny*» дословно означает «железную тиранию», что обладает гораздо более сильной выразительностью по сравнению с «жесткой тиранией».

Метафоры позволяют нарисовать образную картину и в сознании слушателей возникает яркая картина «сбрасывания цепей», «ломания костей» и «железной тирании», что существенно усиливает воздействие на аудиторию.

В речи Джона Кеннеди встречается такая лингвостилистическая особенность, как олицетворение, то есть, когда неодушевленным предметам или неодушевленным явлениям приписываются человеческие качества.

Олицетворение также применяется для того, чтобы усилить воздействие на аудиторию, повысив значимость сказанного в политической речи.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>But this peaceful revolution of hope cannot become the prey of hostile powers</i> ».	«Мирная революция не должна стать добычей враждебных сил».	Олицетворение – «hostile powers» наделяются способностью собственного поведения.

Очевидно, что враждебные силы («*hostile power*») – явление неодушевленное – и самостоятельно не могут поглотить революцию, однако прием олицетворения усиливает возможность такого поведения.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«...before the dark powers of destruction... engulf all humanity in planned or accidental self-destruction».	«... темные разрушительные силы ... поглотят все человечество в запланированном или случайном само-разрушении».	Олицетворение – «dark powers of destruction» наделяются способностью запланировать и поглотить человечество в само-разрушении.

Также «*dark powers of destruction*» («темные разрушительные силы») представляются чем-то одушевленным, способным поглотить человечество. Причем олицетворение выражается еще и в том, что «поглощение человечества» может быть не только случайным, но и запланированным (темными силами).

Прием олицетворения используется для того, чтобы подчеркнуть опасность какого-либо явления либо подчеркнуть выразительность определенного момента. В частности, во фразе «..*the glow from that fire can truly light the world*» сияние огня («the glow from fire») наделяется способностью самостоятельного поведения. Пламя огня, отблеск пламени веры и посвященности («the faith, the devotion») может действительно осветить весь мир.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием

«... the glow from that fire can truly light the world».	«...сияние этого огня может действительно осветить мир».	Олицетворение – «glow from fire» может самостоятельно осветить мир.
--	--	---

Иногда в речи Джона Кеннеди используется такое лингвостилистическое средство повышения выразительности и передачи экспрессивности, как парадокс, когда вывод не следует напрямую из сказанного, но противоречит посылу, заложенному в высказывании.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>Only when our arms are sufficient beyond doubt can we be certain beyond doubt that they will never be employed</i> ».	«Только когда у нас будет достаточно оружия, вне всяких сомнений, мы сможем быть уверены, вне всяких сомнений, что оно никогда не будет использовано».	Парадокс – вывод противоречит посылу, заложенному в высказывании.

Парадокс приведенного высказывания выражается в том, что в первой части предложения речь идет о том, что у страны (США) должно быть достаточно вооружения, однако вторая часть предложения противоречит первой.

Вывод предложения таков, что оружие (которого достаточно исходя из первой части предложения) никогда не должно быть использовано. Усиливается парадокс тем, что «*beyond doubt*» (вне всяких сомнений) повторяется два раза – в части предложения, что оружия должно быть достаточно и в части предложения, что оружие никогда не будет применено. Также в речи Джона Кеннеди применяются такие

лингвостилистические средства повышения выразительности и передачи экспрессивности, как лексический повтор.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>to convert our good words into good deeds</i> ...».	«... претворим добрые слова в добрые дела».	Лексический повтор – «good» применяется и к делам, и к словам.

Повторение «*good*» (добрые) по отношению и к словам, и к делам, усиливает выразительность данного высказывания политика.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>not as a call to bear arms, though arms we need; not as a call to battle, though embattled we are</i> ...».	«...не как призыв к оружию, хотя оружие нам необходимо; не как призыв к битве, хотя мы готовы к битве...».	Лексический повтор – «arms» и «battle» применяется по два раза, но с противоположным смыслом.

Повтор «*arms*» и «*battle*» употребляется одновременно с параллелизмом, так как и «*arms*» употребляется в положительном посыле и в отрицании, и «*battle*» употребляется в положительном посыле и в отрицании.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of</i>	«Человек держит в своих бранных руках силу, способную уничтожить	Лексический повтор – «all human» применяется по отношению ко всем

<i>human poverty and all forms of human life».</i>	все виды человеческой бедности и все виды человеческой жизни».	видам человеческой бедности и всем видам человеческой жизни.
--	--	--

Лексический повтор позволяет существенно усилить воздействие высказываемой мысли, в частности, понимание того, что человек может уничтожить «*all human poverty*» (всю человеческую бедность) и одновременно спасти «*all human life*» (всю человеческую бедность). Такое употребление существенно усиливает воздействие на слушателей, так как возникает необходимость сделать выбор – уничтожать жизнь или уничтожать бедность.

В речи Джона Кеннеди применяется такая лингвостилистическая особенность, как анафора, когда несколько предложений начинаются одинаково, что существенно повышает выразительность и усиливает сказанное.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
« <i>Let both sides explore...</i> » « <i>Let both sides formulate...</i> » « <i>Let both sides seek to...</i> » « <i>Let both sides unite to...</i> »	«Пусть обе стороны откроют...» «Пусть обе стороны определяют...» «Пусть обе стороны ищут...» «Пусть обе стороны объединятся...»	Анафора – каждое предложение в абзаце начинается с « <i>Let both sides</i> » (повторяется четыре раза).

Повторение «*Let both sides explore...*», «*Let both sides formulate...*», «*Let both sides seek to...*», «*Let both sides unite to...*» в начале предложения усиливает сказанное, хотя в каждом предложении предлагаются

совершенно разные моменты. Однако утверждение «Пусть обе стороны...» способствует усилению эффекта объединения общих усилий для решения пусть и совершенно разных дел.

К более редким лингвостилистическим особенностям речи Джона Кеннеди относится аллюзия – отсылка к историческому событию, крылатая фраза или цитата, понятная большинству носителей англоязычной культуры. Важно, чтобы употребленная цитата или фраза имела одинаковое значение для большинства.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)	Примененный стилистический прием
«... <i>the United Nations, our last best hope in an age...</i> »	«Организации Объединенных Наций – последней и лучшей надежде в нашем веке».	Аллюзия – «the United Nations, our last best hope in an age» является перефразом цитаты Авраама Линкольна.

Употребленная Джоном Кеннеди фраза «*the United Nations, our last best hope in an age*» является отсылкой к фразе Авраама Линкольна «America is the last best hope of the world» (Америка – последняя лучшая надежда мира).

Следует отметить, что к лингвостилистическим характеристикам политического дискурса относится чередование длинных предложений в речи Джона Кеннеди короткими. Такой прием применяется, чтобы удерживать внимание слушателей, чередование длинных и коротких предложений делает речь «свежей» и интересной, также речь перестает быть монотонной и однообразной. Приведенный пример анафоры с употреблением «*Let both sides*» на самом деле является одним из самых больших отрывков в речи.

Отрывок постепенно разворачивает смысл и можно выделить фразу-акцепт, помещенную в конце длинного предложения в речи Джона Кеннеди.

Исходный язык (ИЯ)	Язык перевода (ПЯ)
“ <i>This much we p</i> ”.ledge – and more	«Мы обещаем это – и более того»

В практическом анализе все примеры анализируются и проводится общий анализ с выделением наиболее часто встречающихся лингвостилистических характеристик и стилистических особенностей в речи Джона Кеннеди.

Таким образом, в настоящей работе были рассмотрены основные лингвостилистические особенности политического дискурса на примере инаугурационной речи Джона Кеннеди. Можно отметить, что некоторые стилистические приемы речи применяются намного чаще других.

Таблица 2.1 – Лингвостилистические средства повышения выразительности и передачи экспрессивности политического дискурса речи Джона Кеннеди

Стилистический прием	Количество	Доля, %
1. Антитеза	8	32,0
2. Параллелизм	2	8,0
3. Аллитерация	2	8,0
4. Метафора	4	16,0
5. Олицетворение	3	12,0
6. Парадокс	1	4,0
7. Лексический повтор	2	8,0
8. Анафора	1	4,0
9. Аллюзия	1	4,0
10. Фраза-акцепт	1	4,0
Итого приемов	25	100,0

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее часто в политическом дискурсе на примере речи Джона Кеннеди чаще всего встречаются такие стилистические приемы, как антитеза (32,0 % от общего количества изученных примеров) и метафора (16,0 % от общего количества изученных примеров).

Такой прием, как олицетворение встречается в 12,0 % изученных примеров, стилистические приемы параллелизма, аллитерации и лексического повтора встречаются в 8,0 % от всех изученных примеров.

Реже употребляются такие стилистические приемы, как парадокс, анафора, аллюзия и фраза акцепт, встречаются в 4,0 % от изученных примеров.

В целом можно сделать вывод, что политический дискурс обладает лингвостилистическими характеристиками, отличающими данный вид дискурса от других. В политическом дискурсе, как было показано на примере речи политика Джона Кеннеди применяется множество стилистических приемов, риторических приемов и средств для усиления манипулятивного воздействия на аудиторию, что и является целью политического дискурса по определению.

2.2 Анализ лингвостилистических средств повышения выразительности и экспрессивности в политическом дискурсе на примере текстов выступлений Джона Кеннеди

Политический дискурс направленно на достижение основной цели – оказания воздействия на аудиторию является – и для детального изучения особенностей данного явления очень важным является анализ стилистических особенностей восприятия публичного политического выступления.

Количественные параметры политического дискурса инаугурационной речи Джона Кеннеди следующие. Речь написана на 3 страницах и содержит 1387 слов, в 28 абзацах и 103 строках (приводится

в Приложении 1). Произнесена была речь 20 января 1961 года, длительность речи составляет 14 минут.

Вводная часть политического дискурса занимает 69 слов. Джон Кеннеди обращается к высшим руководителям США, к президенту (President), вице-президентам (Vice President), бывшим президентам США (President Eisenhower, Vice President Nixon, President Truman), к спикеру Палаты представителей (Speaker), к судье Верховного суда (Chief Justice), к духовенству (reverend clergy) и гражданам Америки (fellow citizens). Джон Кеннеди также упоминает Всемогущего Бога (Almighty God) и демократическую партию (party) [53].

В вводном политическом дискурсе обычно указываются концептуальные понятия, на которых строится деятельность политика.

Исходный язык	Язык перевода
<i>victory of party</i>	победа (Демократической) партии
<i>a celebration of freedom</i>	праздник (американской) свободы
<i>an end as well as a beginning – signifying renewal, as well as change</i>	конец и начало – значительное обновление и перемены
<i>have sworn before you... the same solemn oath our forbears prescribed nearly a century and three-quarters ago.</i>	клятва выполнить обещание, такая же, какую давали отцы-основатели более 350 лет назад.

Политический дискурс, как было показано ранее в работе, сильно зависит от многих факторов, и формируются для точного отражения социальной, экономической и политической обстановки. Отражение желаний народа можно очень четко увидеть в политическом дискурсе речи Джона Кеннеди.

В рассматриваемый период в США сильно выражена приверженность идее и концепту «американской мечты» (american dream), что отражается в содержании политического дискурса. Джон

Кеннеди представляет свою программу действий с учетом наиболее значимых ожиданий народа.

Дискурс инаугурационной речи Джона Кеннеди отличается использованием литературного слоя лексики и большого количества специальных политических терминов, также нейтральной лексики. Речь Джона Кеннеди отличается возвышенным стилем речи и обширной концептосферой.

Стилистическая окрашенность дискурса выражается в использовании эффекта обманутого ожидания («symbolizing an end as well as a beginning»).

В рамках когнитивной лингвистики анализ политического дискурса инаугурационной речи Джона Кеннеди позволяет выделить базовые концепты североамериканского инаугурационного дискурса, которые воспроизводятся в речи регулярно. Базовые концепты речи политика следующие [53]:

- America (Америка);
- Americans (американцы);
- citizens of the world (граждане всего мира);
- country (страна);
- freedom (свобода);
- man (человек);
- dream (мечта, для аудитории – американская мечта);
- strength (сила) и courage (мужество);
- history (история);
- love (любовь);
- leadership (лидерство);
- wealth (богатство) и greatness (величие).

Таблица 2.2 – Концептосфера политического дискурса инаугурационной речи Джона Кеннеди

Концепты дискурса на исходном языке	Значение на языке перевода
America	Америка
American(s)	Американцы
adversary	Состязание
alliance	Союз
battle	Битва
challenge	Вызов
control of arms	контроль над вооружениями
cooperation	Сотрудничество
country	Страна
course	курс, направление
deed	дела, поступки
freedom	Свобода
friend(s)	Друзья
generation	Поколение
government	Правительство
hardship(s)	Трудности
history	История
human right(s)	права человека
inspection	Проверка
man, mankind	человек, человечество
negotiation	Переговоры
pledge	Обещание
poor, poverty	бедный, бедность
liberty	свобода, освобождение
life	Жизнь
misery	Несчастья

Продолжение таблицы 2.2

Концепты дискурса на исходном языке	Значение на языке перевода
-------------------------------------	----------------------------

(the) power	сила, мощь
responsibility	ответственность
revolution	революция
rich	Богатые
science	Наука
service	служение
society	общество
success	Успех
tyranny (iron)	тирания (жесткая)
vote	Голос
United Nations	Соединенные Штаты (Америки)
war	Война
world	Мир

В целом в политическом дискурсе инаугурационной речи Джона Кеннеди можно выделить 39 основных концептов, составляющих содержание. Номенклатура используемых политиком концептов свидетельствует в целом о недостаточно четко представленной когнитивной программе по преодолению кризисов как исторического периода, 60-х годов XX века.

Можно сделать вывод, что конкретных шагов в речи Джона Кеннеди не обозначено и на первое место в особенностях политического дискурса выходит популизм – ориентация на испытывающих неудовлетворенность широкие массы населения и определенное перечисление массовых потребностей. Популизм отличается тем, что в речи не указаны реальные возможности удовлетворения всех обозначенных потребностей широкой аудитории [34].

Для актуализации основных концептов популизма Джон Кеннеди использует различные выразительные средства, причем выразительные

средства политического дискурса используются на всех языковых уровнях [29]:

- лексико-семантический уровень;
- грамматико-синтаксический уровень;
- стилистический уровень;
- фонетико-просодический уровень (меняется интонация).

К частотным средствам политического дискурса инаугурационной речи Джона Кеннеди экспрессии относятся параллельные конструкции и повторы, что типологически характерно для политического дискурса.

Частотные средства политического дискурса	Язык перевода
« <i>This much we pledge and more</i> ».	Мы обещаем это – и более того.
« <i>To those old allies ... we pledge the loyalty of faithful friends...</i> »	Старым союзникам... мы обещаем верность преданных друзей...
« <i>To those new states... we pledge our word that...</i> »	Новым штатам... мы даем свое слово...
« <i>To those people in the huts and vliages... we pledge...</i> »	Людям в лачугах и хижинах... мы обещаем...

Лексический повтор в сочетании «To those» и «we pledge» дословно не переводится в русском оригинале речи, но для англоязычного слушателя, повторы используются как средство воздействия. Перечисляются совершенно различные категории людей и стороны жизни, которым новое правительство (под руководством выбранного президента) обещает что-либо сделать.

На неосуществимость выдвинутых обещаний указывает и сам президент Джон Кеннеди в своей речи, что подчеркивает популизм:

«All this will not be finished in the first one hundred days. Nor will it be finished in the first one thousand days, nor in the life of this Administration, nor even perhaps in our lifetime on this planet. But let us begin» [53].

«Все это не выполнить за первые сто дней. Не сделать это и за первую тысячу дней, и за срок работы настоящей администрации, может быть – и за всю нашу жизнь на этой планете. Но давайте же сделаем первый шаг».

Таким образом, после очень громких обещаний различным группам адресантов – братским республикам, новым штатам, людям в бедности и др. – президент сам дает отсылку на наличие популизма, так как всего это не выполнить даже за весь период жизни на планете.

Для подкрепления авторитетности заявлений в политическом дискурсе инаугурационной речи Джона Кеннеди часто используются элементы религиозного дискурса и даются ссылки на Священное Писание.

«Let both sides unite to heed, in all corners of the earth, the command of Isaiah – to «undo the heavy burdens... and let the oppressed go free» (в письменном варианте речи указана ссылка – Book of Isaiah 58:6) [53].

«Пусть обе стороны объединятся, чтобы во всех уголках земли прислушаться к заповеди пророка Исаии – «развяжи узы ярма... и отпусти угнетенных на свободу» (книга Исаии 58:6).

Можно в целом сделать вывод, что в политическом на примере инаугурационной речи Джона Кеннеди можно выделить следующие основные лингвостилистические средства передачи экспрессивности:

- концептуальные эпитеты,
- метафоры,

- метонимии
- сравнения,
- олицетворения,
- фразеологические конструкции,
- риторические вопросы, игры слов и др.

Из лингвостилистических средств повышения выразительности и передачи экспрессивности в политическом дискурсе речи Джона Кеннеди наиболее часто использует прием повтора отдельных слов и фраз, добиваясь смыслового выделения выражений и увеличивая эмоциональное звучание определенных концептуальных слов и фраз в речи.

Целью применения лингвостилистических средств повышения выразительности и передачи экспрессивности в политическом дискурсе является увеличение воздействующей и манипулятивной силе речи.

«Let both sides explore...»

«Let both sides formulate...»

«Let both sides seek to...»

«Let both sides unite to...»

Повторение в начале нескольких предложений *«Let both sides»* дает гораздо большую нагрузку за счет повторяемости фразы. Также для большой смысловой нагрузкой в контексте речи повторяется слово «peace».

«...disciplined by a hard and bitter peace...»

«...the instruments of peace..»

«...the quest for peace...»

«... the peace preserved»...

«... победившие трудности и горький мир...»

«... орудия мира...»

«... стремление к миру...»

«... сохраненный мир...»

Приведенные примеры повторов в речи Джона Кеннеди играют только эмоционально-экспрессивную роль для усиления воздействия на слушателей.

Повторами служили не только слова, но и служебные слова, союзы, предлоги, частицы. В частности, персонализация в политическом дискурсе инаугурационной речи Джона Кеннеди выражается тем, что местоимение «we» повторяется в речи более 30 раз. Политик подчеркивает личную вовлеченность и вовлеченность слушателей, подчеркивая постоянно «мы».

Также, как было показано ранее в работе, к наиболее часто применяемым лингвостилистическим средствам повышения выразительности и передачи экспрессивности в политическом дискурсе Джона Кеннеди относится использование антитезы (противопоставлений). В работе было показано, что противопоставления занимают более 30 % от всех использованных средств.

При этом для придания речи большей динамичности, живости и установления более тесного контакта с аудиторией Джон Кеннеди неоднократно использовал вопросно-ответный прием изложения.

В речи Джона Кеннеди присутствует логическая расчлененность, отдельные части речи упорядочиваются подпунктами. При этом широко применяются слова и выражения долженствования, то есть слова, побуждающие слушателей к определенному характеру действий.

В частности, уже приведенный пример с повторением «Let us...» четко показывает, что политик ожидает совместные действия по

указанным направлениям вместе с аудиторией, «давайте... (перечисление действий)».

Распространенным лингвостилистическим средством повышения выразительности и передачи экспрессивности в политическом дискурсе Джона Кеннеди является афористичность. Многие употребленные политиком фразы глубоки по смысловому направлению и отточены в языковой форме.

«...to break the bonds of mass misery...»

«... сломать кости (побороть) всеобщую нищету...»

«...in casting off the chains of poverty...»

«...сбросить оковы бедности...»

«...to convert our good words into good deeds...»

«...претворить добрые слова добрыми делами...»

«...explore the stars, conquer the deserts, eradicate disease, tap the ocean depths...»

«... исследовать звезды, покорять пустыни, побеждать болезни, исследовать океанские глубины...»

В речи довольно много афористических выражений Джона Кеннеди, которые производили сильное впечатление. В частности, приводившееся ранее в работе выражение стало известным на весь мир афоризмом:

«Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country».

«...Не спрашивайте, что страна может сделать для вас. Спросите, что вы можете сделать для своей страны».

Следует отметить, что речь Джона Кеннеди получила широкий резонанс как внутри страны, так и за рубежом. Считалось, что президент планирует оказать сдерживающее воздействие на военно-промышленный комплекс США и демонстрирует поворот в сторону мира и прекращения «холодной войны».

Речь, произнесенная политиком Джоном Кеннеди 10 июня 1963 года в Американском университете Вашингтона, получила название «Стратегия мира». В данном политическом дискурсе политик также применяет различные лингвостилистические средства повышения выразительности и передачи экспрессивности в политическом дискурсе. В частности, в начале речи президент Джон Кеннеди применяет средства афористики и риторические вопросы [54].

«...yet it is the most important topic on earth: world peace.

«... это самая важная тема на планете: мир во всем мире»

What kind of peace do I mean?

What kind of peace do we seek?

О каком мире я говорю?

Какого мира мы стараемся достичь?

В речи политика Джона Кеннеди в американском университете Вашингтона часто используется афористика, метафоры и сравнение.

Президент применяет различные крылатые цитаты и высказывания:

«Truly, as it was written long ago: «The wicked flee when no man pursueth»» [54]

Поистине, как писали уже давно: «Нечестивый бежит, когда никто гонится за ним».

В данном случае Джоном Кеннеди применяется пример пословицы для того, чтобы выразить мысль о необходимости прекращения холодной войны и гонки вооружений, в основном в отношениях с Россией.

Говоря о путях дальнейшего развития внешней политики Соединенных Штатов Америки, направленной на сохранение мира, Джон Кеннеди применял образно-выразительные средства, такие как метафора и сравнение.

«Not the peace of the grave or the security of the slave».

«Не мира могилы и не безопасности раба».

«I am talking about genuine peace.... -not merely peace in our time but peace for all time» [54].

«Я говорю о подлинном мире... не просто о мире в наше время, а о мире на все времена».

В политическом дискурсе Джона Кеннеди на примере речи 10 июня 1963 года в качестве лингвостилистических средств можно отметить лексические повторы. В частности, слово «peace» («мир») в различных контекстах употребляется 49 раз, в одном первом абзаце «мир» повторяется 11 раз.

«...genuine peace...»

«...истинный мир...»

«...the kind of peace that makes life on earth worth living»...

«... мир, который делает жизнь на Земле достойной...»

Вместе с лексическими повторами применяется прием антитезы, данное лингвостилистическое средство Джон Кеннеди применяет очень часто,

«...not merely peace for Americans, but peace for all men and women...»

«... не только мир для американцев, но мир для всех жителей планеты...»

«...not merely peace in our time but peace for all time»...

«...не просто о мире в наше время, но о мире во все времена...»

В данном употреблении антитезы политик противопоставляет «мир» («peace») только для американцев и для всех жителей планеты.

Также противопоставляется «мир» («peace») не только на конкретный период времени, но «мир на все времена» («peace for all time»).

Для усиления выразительности применяются такие лингвостилистические средства, как лексические повторы вместе с антитезой (противопоставлением).

«I speak of peace, therefore, as the necessary rational end of rational men».

«Я говорю о мире как о необходимой рациональной цели рационально мыслящего человека» [54].

Политик повторяет «rational» однозначно связывая два явления, подчеркивая, что «мир» не просто прихоть, но выбор думающего «рационального» и «рационально мыслящего» человека.

Применяется такое средство, как параллелизм, когда в политическом дискурсе Джона Кеннеди применяется параллель между миром и свободой

«...that peace and freedom walk together».

«... мир и свобода идут рука об руку».

«...the peace is not secure because the freedom is incomplete».

«... мир ненадежен, потому что свобода несовершенна (незакончена)».

Антитеза применяется, когда Джон Кеннеди связывает мир с «новым лицом войны» (the new face of war) [54].

«I speak of peace because of the new face of war».

«Я говорю о мире перед новым лицом войны».

Таким образом, можно сделать вывод, что в политическом дискурсе Джона Кеннеди применяется достаточно широкий набор лингвостилистических средств повышения выразительности и передачи экспрессивности.

Проанализированные речи политика Джона Кеннеди отличаются большим количеством противопоставлений, свою мысль политик доносит на основании противопоставления одного явления с другим.

Также в речах Джона Кеннеди встречается очень много афоризмов, применение исторических цитат, пословиц и фраз, значимых для англоязычной аудитории. Политик часто применяет лексические повторы, метафоры и олицетворение. Все средства используются только для одной цели – повышения выразительности речи и усиления

воздействия на аудиторию, что является основной целью политического дискурса по определению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический дискурс, как средства публичной речи, был изучен с точки зрения разных подходов: коммуникативного (функционального), структурно-синтаксического, структурно-стилистического, социально-прагматического.

В ходе теоретического анализа выделены основные признаки политического дискурса – смысловая неопределенность, фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата), фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только конкретной аудитории политика), дистанцированность, театральность.

В работе был сделан общий вывод, что политический дискурс относится к институциональному типу и в узком понимании ограничивается деятельностью политиков. В широком понимании дискурс может считаться политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: адресат, адресант или содержание произведения. Политический дискурс обладает собственным языком – особой знаковой системой, предназначенной именно для политической коммуникации. Лингвостилистические особенности политического дискурса, следующие: профессиональная политическая терминология, книжные слова, необразные устойчивые фразы, заимствования, общепринятые и авторские сокращения, ссылки и цитаты, имена собственные, новые термины и неологизмы, эмоциональная и оценочная лексика, тропеические и аранжировочные выразительные средства, идеологемы и другие.

В практической части работы изучались лингвостилистические характеристики политических речей на примере текстов выступлений Джона Коннеди и проводился анализ лингвостилистических средств

повышения выразительности и передачи экспрессивности в политическом дискурсе.

Материалом практического исследования в настоящей работе послужили записи речей политика:

- текст выступления инаугурационной речи президента США Джона Кеннеди, произнесенная 20 января 1961 года;
- текст выступления речи Джона Кеннеди в Американском университете города Вашингтона 10 июня 1963 года.

Проведенный анализ лингвостилистических средств повышения выразительности и передачи экспрессивности в политическом дискурсе на примере текстов выступлений Джона Кеннеди позволил сделать выводы.

В речи Джона Кеннеди применялись лингвостилистические средства повышения выразительности и передачи экспрессивности.

Антитеза – представляет собой резкое противопоставление слов, понятий, образов, то есть является резким контрастом лексических средств.

Параллелизм – представляет собой тождественность различных отрывков текста, то есть очень похожее или даже одинаковое построение отрезков речи, расположенных рядом. Аллитерация – представляет собой повторение одинаковых или однородных согласных и часто употребляется в поэтической речи. Метафора – представляет собой употребление слов в переносном значении, применяется для усиления выразительности речи.

Олицетворение – представляет собой специальный прием, когда неодушевленные предметы наделяются свойствами, обычно присущие живым существам. Прием часто называется персонификацией.

Парадокс – предоставляет собой словесную композицию, которая содержит большой заряд выразительности, смысл заключается в том,

что вывод не совпадает со сказанным ранее, противоречит представленной информации.

Лексический повтор – представляет собой намеренное повторение в одном отрывке текста одного и того же слова, или одной и той же речевой конструкции, применяется для усиления смысла высказывания.

Анафора – представляет собой стилистический прием, при котором повторяются начальные части предложений, находящихся рядом в тексте.

Аллюзия – представляет собой фигуру речи, в которой упоминается объект, напрямую не связанный с содержанием, но содержащий в себе намек.

Антиметабола – представляет собой повторение во второй части предложения слов, которые в первой части стоят в другом порядке.

В работе был сделан вывод, что наиболее часто в политическом дискурсе на примере речи Джона Кеннеди чаще всего встречаются такие лингвостилистические средства, как антитеза (32,0 % от общего количества изученных примеров) и метафора (16,0 % от общего количества изученных примеров). Такой прием, как олицетворение встречается в 12,0 % изученных примеров, стилистические приемы параллелизма, аллитерации и лексического повтора встречаются в 8,0 % от всех изученных примеров. Реже употребляются такие лингвостилистические средства повышения выразительности, как парадокс, анафора, аллюзия и фраза акцепт, встречаются в 4,0 % всех примеров.

Подчеркивалось в работе, что политический дискурс обладает лингвостилистическими характеристиками, отличающими данный вид дискурса от других. В политическом дискурсе, как было показано на примере речи политика Джона Кеннеди применяется множество лингвостилистических средств, риторических приемов и средств для

усиления манипулятивного воздействия на аудиторию, что и является целью политического дискурса.

В политическом дискурсе Джона Кеннеди применяется достаточно широкий набор лингвостилистических средств повышения выразительности и передачи экспрессивности. Проанализированные речи политика Джона Кеннеди отличаются большим количеством противопоставлений, свою мысль политик доносит на основании противопоставления одного явления с другим. Встречается очень много афоризмов, применение исторических цитат, пословиц и фраз, значимых для англоязычной аудитории. Политик часто применяет лексические повторы, метафоры и олицетворение.

Все средства используются только для одной цели – повышения выразительности речи и усиления воздействия на аудиторию, что является основной целью политического дискурса по определению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабушкина, В. В., Шпак, Д. С. Сравнительный анализ стилистических особенностей речи современных англоязычных политиков // Сб. научн. статей: Язык и мир изучаемого языка. – Саратов, 2018. – С.237-241.
2. Барташова, О. А. Эмоциональная напряженность как аспект коммуникативной неудачи в политическом дискурсе : учебное пособие / О. А. Барташова, С. Е. Полякова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2019. – 140 с.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. Т. 8. / Редакционная коллегия: В. П. Волгин (главный редактор), И. И. Анисимов, Д. Д. Благой [и др.]. – Москва : Академия Наук СССР, 1956. – С. 397-399.
4. Белт, Т. Политическое убеждение путем метафорического моделирования / Т. Белт // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2017. – Вып. 2 (22). – С.18-25.
5. Блох М.Я., Резникова Н.А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск. – 2016. – Выпуск №9. – С. 14-18.
6. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Дзюба Е. В., Н. А. Красильникова. Современная политическая лингвистика: учебное пособие / Отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2017. – 252 с.
7. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып.1. – С. 99-111.
8. Виноградов В.В. К теории литературных стилей // В кн.: Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – Москва., 1980.

9. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // В кн.: Винокур Г.О. Избранные работы. – Москва: Учпедгиз, 1959. – 40 с.
10. Вишнякова, П. В., Ольховикова, Ю. А. Языковые особенности публичных выступлений Х. Клинтон в предвыборном дискурсе (на примере СМИ США) // Молодой ученый. – 2018. – №7. – С. 3-4.
11. Глухов, В. П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности: учебное пособие / В. П. Глухов, В. А. Ковшиков. – Москва : АСТ: Астрель, 2017. – 318 с.
12. Горбунов А.Г. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма: учебное пособие. – Ижевск: Удмуртский университет, 2013. – 56 с.
13. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Проспект, 2012. – 312 с.
14. Жданова Е.В. Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов (на материале русской и английской литературы конца XIX в. – конца XX) // Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 26 с.
15. Зданевич К.В. Лингвостилистические особенности политического дискурса // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. – Минск: Четыре четверти, 2014. – Выпуск 11 / Том 2. – С. 158-162.
16. Ильядис В.А., Калашова А.С. Особенности употребления тропов при создании образа в политическом дискурсе // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: сб. ст. по матер. X междунар. студ. науч.- практ. конф. – 2018. – №3(10). – С.21-24.
17. Калинин, К. Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Калинин Кирилл Евгеньевич ; Нижегородский государственный

лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2009. – 361 с.

18. Карамова, А.А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. – Выпуск 2 (48). – С.143-148.

19. Кауфова Л.А. Лингвистические особенности британского политического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – №4. – С.16-21.

20. Кириллов, А. Г. Интертекстуально-гипертекстуальный характер политического нарратива // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы Всероссийской научно-практ. Конф. с международным участием, 15 марта 2010. – Самара: ПГСГА, 2010. – С. 54- 58.

21. Кокшарова, Н. Ф. Лекции по стилистике (английский язык): учебное пособие. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – 104 с.

22. Колесникова, С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск. – 2011. – №33. – С. 67- 69.

23. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникационные единицы диалогической речи. – Волгоград: Издательство Волгоградского гос. ун-та, 2001. – 260 с.

24. Костюнина, М. В. Сравнительный анализ риторической аргументации в предвыборном дискурсе Б. Обамы и Дж. Маккейна / М.В. Костюнина // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – Вып 1 (24). – 2011. – С.125-132.

25. Кравченко, В. И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе: монография / В. И.

Кравченко. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 2003. – 272 с.

26. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 128 с.

27. Линнас, Э. А. Критический анализ дискурса политической полемики : 10.02.04 «Германские языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Линнас Эдуард Александрович ; Тверский государственный университет. – Тверь, 2006. – 186 с.

28. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры слова? / В. А. Маслова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – Вып 1(24). – 2011. – С.43-48.

29. Маслова В.А. К построению психолингвистической модели коннотации // Вопросы языкознания. – 2009. – № 1. – С. 19-22.

30. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия: учебное пособие / О. Л. Михалева. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.

31. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Перемена – Политехник, 2014. – 600 с.

32. Павлова Е.К. Политический дискурс в глобальном коммуникативном пространстве (на материале английских и русских текстов) / Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук : 10.02.20. – Москва, 2010. – 26 с.

33. Павлычева, Е.Д. Типология речевых портретов политиков в американском лингвистическом дискурсе // Евразийский союз ученых (ЕСУ). Филологические науки. – 2016. – №31. – С. 84-87.

34. Парастаев, Г. Н. Лексико-семантические особенности американского политического дискурса: на примере исторических и общественно-политических реалий : 10.02.04 «Германские языка» :

диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Парастаев Георгий Николаевич; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2012. – 189 с.

35. Парастаев, Г.Н. Понятие «политический дискурс» в современных исследованиях // Сборник материалов научной сессии. – Москва : Прометей, 2010. – С.115-122.

36. Парастаев, Г.Н. Проблема манипуляции в американском политическом дискурсе / Г.Н. Парастаев // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. Филологические науки / Под ред. Н.Д. Котовчихина. – Москва, 2011. – №3. – С.6-12.

37. Паули, Ю. С. Язык политического дискурса как способ формирования политического института // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: Хорс, 2011. – №8. – С. 389-391.

38. Попова, Т. Г., Таратынова, Н. В. Политический текст и его лексические особенности // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – М.: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2012. – Выпуск 3. – С. 90-98.

39. Прищепчук, С. А. Особенности воспроизведения лексических оценочных средств при переводе политического дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2008. – №54. – С. 177-181.

40. Репина, Е. А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электрорат: монография / Е. А. Репина. – Москва: Инфра-М, 2012. – 91 с.

41. Розенталь, Д. Э., Голуб, И. Б., Теленкова, М. А. Современный русский язык. – 11-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.

42. Семкин, М. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик (на материале третьего этапа дебатов президентской предвыборной кампании США 2012 г.) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – Вып 1 (28). – 2014. – С.186-190.

43. Спицына Н.А., Медведева Е.А. Роль концептуальной метафоры в политическом дискурсе президента США Барака Обамы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012. – №1. – С. 118-121.

44. Ступченко, М. В. Способы передачи эпитетов при переводе текстов СМИ политической тематики с английского на русский язык: монография. – Тольятти, 2017. – 186 с.

45. Сурова, М. Н. Эпитеты с положительной и отрицательной коннотацией в политическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – №3(27). – С. 244-255.

46. Суханова, А. С. Передача имен собственных с точки зрения теории перевода // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 105- 107.

47. Филатова, Е. А. Лексико-стилистические и фонетические средства организации англоязычного политического дискурса : на материале речей британских и американских политиков : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук /; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2004. – 171 с.

48. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019. – №6 / Том 151. – С. 31-37.

49. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. – 248 с.
50. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2016. – 315 с.
51. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: ЛКИ, 2008. – 208 с.
52. Яблокова, Т. Н. Эмоциональные высказывания в диалогической и монологической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – №2(9). – С. 191-196.
53. John F. Kennedy. Presidential Inaugural Address – delivered 20 January 1961, Washington D.C. [Электронный источник] // Режим доступа <https://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkinaugural.htm>
54. John F. Kennedy. Commencement Address at American University, Washington D.C. – delivered 10 June 1963 // <https://www.jfklibrary.org/john-f-kennedy-speeches/american-university-19630610>
55. Blakemore D. The organization of discourse // Linguistics: The Cambridge survey. Cambridge. - 1989. - № 4. - P. 229-250.
56. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. – Oxford: Oxford University Press, 1965. – 276 p.
57. Dijk T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse // *Janua Linguarum. Series Maior*; 101. –The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers — 1981. — 331 p.
58. Duranti A. Ethnography of speaking: Toward a linguistics of praxis // Linguistics: the Cambridge survey. Cambridge, 1988. - P. 210-228.
59. Halliday, M. A K. Cohesion in English. – L.: Longman, 1976. – 375 p.

60. Rosch E.H. Cognitive Representation of Semantic Categories / E.H. Rosch // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol.104. No 3. P.192-233.

61. Rosch E.H., Mervis C.B. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories / E.H. Rosch // Cognitive Psychology. 1975. Vol.7. P.573-605.

62. Tversky B. Where Partonomies and Taxonomies Meet / B. Tversky // Meanings and Prototypes: Studies in Linguistic Categorization. Oxford: Routledge, 1990. P.334-344.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Presidential Inaugural Address – delivered 20 January 1961, Washington
D.C.

Inaugural Address of John F. Kennedy

FRIDAY, JANUARY 20, 1961

Vice President Johnson, Mr. Speaker, Mr. Chief Justice, President Eisenhower, Vice President Nixon, President Truman, reverend clergy, fellow citizens, we observe today not a victory of party, but a celebration of freedom--symbolizing an end, as well as a beginning--signifying renewal, as well as change. For I have sworn before you and Almighty God the same solemn oath our forebears prescribed nearly a century and three quarters ago.

The world is very different now. For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life. And yet the same revolutionary beliefs for which our forebears fought are still at issue around the globe--the belief that the rights of man come not from the generosity of the state, but from the hand of God.

We dare not forget today that we are the heirs of that first revolution. Let the word go forth from this time and place, to friend and foe alike, that the torch has been passed to a new generation of Americans--born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage--and unwilling to witness or permit the slow undoing of those human rights to which this Nation has always been committed, and to which we are committed today at home and around the world.

Let every nation know, whether it wishes us well or ill, that we shall pay any price, bear any burden, meet any hardship, support any friend, oppose any foe, in order to assure the survival and the success of liberty.

This much we pledge--and more.

To those old allies whose cultural and spiritual origins we share, we pledge the loyalty of faithful friends. United, there is little we cannot do in a host of cooperative ventures. Divided, there is little we can do--for we dare not meet a powerful challenge at odds and split asunder.

To those new States whom we welcome to the ranks of the free, we pledge our word that one form of colonial control shall not have passed away merely to be replaced by a far more iron tyranny. We shall not always expect to find them supporting our view. But we shall always hope to find them strongly supporting their own freedom--and to remember that, in the past, those who foolishly sought power by riding the back of the tiger ended up inside.

To those peoples in the huts and villages across the globe struggling to break the bonds of mass misery, we pledge our best efforts to help them help themselves, for whatever period is required--not because the Communists may be doing it, not because we seek their votes, but because it is right. If a free society cannot help the many who are poor, it cannot save the few who are rich.

To our sister republics south of our border, we offer a special pledge--to convert our good words into good deeds--in a new alliance for progress--to assist free men and free governments in casting off the chains of poverty. But this peaceful revolution of hope cannot become the prey of hostile powers. Let all our neighbors know that we shall join with them to oppose aggression or subversion anywhere in the Americas. And let every other power know that this Hemisphere intends to remain the master of its own house.

To that world assembly of sovereign states, the United Nations, our last best hope in an age where the instruments of war have far outpaced the instruments of peace, we renew our pledge of support--to prevent it from becoming merely a forum for invective--to strengthen its shield of the new and the weak--and to enlarge the area in which its writ may run.

Finally, to those nations who would make themselves our adversary, we offer not a pledge but a request: that both sides begin anew the quest for peace, before the dark powers of destruction unleashed by science engulf all humanity in planned or accidental self-destruction.

We dare not tempt them with weakness. For only when our arms are sufficient beyond doubt can we be certain beyond doubt that they will never be employed.

But neither can two great and powerful groups of nations take comfort from our present course--both sides overburdened by the cost of modern weapons, both rightly alarmed by the steady spread of the deadly atom, yet both racing to alter that uncertain balance of terror that stays the hand of mankind's final war.

So let us begin anew--remembering on both sides that civility is not a sign of weakness, and sincerity is always subject to proof. Let us never negotiate out of fear. But let us never fear to negotiate.

Let both sides explore what problems unite us instead of belaboring those problems which divide us.

Let both sides, for the first time, formulate serious and precise proposals for the inspection and control of arms--and bring the absolute power to destroy other nations under the absolute control of all nations.

Let both sides seek to invoke the wonders of science instead of its terrors. Together let us explore the stars, conquer the deserts, eradicate disease, tap the ocean depths, and encourage the arts and commerce.

Let both sides unite to heed in all corners of the earth the command of Isaiah--to "undo the heavy burdens ... and to let the oppressed go free."

And if a beachhead of cooperation may push back the jungle of suspicion, let both sides join in creating a new endeavor, not a new balance of power, but a new world of law, where the strong are just and the weak secure and the peace preserved.

All this will not be finished in the first 100 days. Nor will it be finished in the first 1,000 days, nor in the life of this Administration, nor even perhaps in our lifetime on this planet. But let us begin.

In your hands, my fellow citizens, more than in mine, will rest the final success or failure of our course. Since this country was founded, each generation of Americans has been summoned to give testimony to its national loyalty. The graves of young Americans who answered the call to service surround the globe.

Now the trumpet summons us again--not as a call to bear arms, though arms we need; not as a call to battle, though embattled we are--but a call to bear the burden of a long twilight struggle, year in and year out, "rejoicing in hope, patient in tribulation"--a struggle against the common enemies of man: tyranny, poverty, disease, and war itself.

Can we forge against these enemies a grand and global alliance, North and South, East and West, that can assure a more fruitful life for all mankind? Will you join in that historic effort?

In the long history of the world, only a few generations have been granted the role of defending freedom in its hour of maximum danger. I do not shrink from this responsibility--I welcome it. I do not believe that any of us would exchange places with any other people or any other generation. The energy, the faith, the devotion which we bring to this endeavor will light our country and all who serve it--and the glow from that fire can truly light the world.

And so, my fellow Americans: ask not what your country can do for you--ask what you can do for your country.

My fellow citizens of the world: ask not what America will do for you, but what together we can do for the freedom of man.

Finally, whether you are citizens of America or citizens of the world, ask of us the same high standards of strength and sacrifice which we ask of you. With a good conscience our only sure reward, with history the final judge of our deeds, let us go forth to lead the land we love, asking His blessing and His help, but knowing that here on earth God's work must truly be our own.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Commencement Address at American University, Washington D.C. – delivered 10 June 1963

President [Hurst] Anderson, members of the faculty, board of trustees, distinguished guests, my old colleague, Senator Bob [Robert] Byrd, who has earned his degree through many years of attending night law school while I am earning mine in the next 30 minutes, ladies and gentlemen:

It is with great pride that I participate in this ceremony of the American University, sponsored by the Methodist Church, founded by Bishop John Fletcher Hurst, and first opened by President Woodrow Wilson in 1914. This is a young and growing university, but it has already fulfilled Bishop Hurst's enlightened hope for the study of history and public affairs in a city devoted to the making of history and to the conduct of the public's business. By sponsoring this institution of higher learning for all who wish to learn, whatever their color or their creed, the Methodists of this area and the Nation deserve the Nation's thanks, and I commend all those who are today graduating.

Professor Woodrow Wilson once said that every man sent out from a university should be a man of his nation as well as a man of his time, and I am confident that the men and women who carry the honor of graduating from this institution will continue to give from their lives, from their talents, a high measure of public service and public support.

"There are few earthly things more beautiful than a university," wrote John Masefield, in his tribute to English universities—and his words are equally true today. He did not refer to spires and towers, to campus greens and ivied walls. He admired the splendid beauty of the university, he said, because it was "a place where those who hate ignorance may strive to know, where those who perceive truth may strive to make others see."

I have, therefore, chosen this time and this place to discuss a topic on which ignorance too often abounds and the truth is too rarely perceived—yet it is the most important topic on earth: world peace.

What kind of peace do I mean? What kind of peace do we seek? Not a Pax Americana enforced on the world by American weapons of war. Not the peace of the grave or the security of the slave. I am talking about genuine peace, the kind of peace that makes life on earth worth living, the kind that enables men and nations to grow and to hope and to build a better life for their children—not merely peace for Americans but peace for all men and women—not merely peace in our time but peace for all time.

I speak of peace because of the new face of war. Total war makes no sense in an age when great powers can maintain large and relatively invulnerable nuclear forces and refuse to surrender without resort to those forces. It makes no sense in an age when a single nuclear weapon contains almost ten times the explosive force delivered by all of the allied air forces in the Second World War. It makes no sense in an age when the deadly poisons produced by a nuclear exchange would be carried by wind and water and soil and seed to the far corners of the globe and to generations yet unborn.

Today the expenditure of billions of dollars every year on weapons acquired for the purpose of making sure we never need to use them is essential to keeping the peace. But surely the acquisition of such idle stockpiles—which can only destroy and never create—is not the only, much less the most efficient, means of assuring peace.

I speak of peace, therefore, as the necessary rational end of rational men. I realize that the pursuit of peace is not as dramatic as the pursuit of war—and frequently the words of the pursuer fall on deaf ears. But we have no more urgent task.

Some say that it is useless to speak of world peace or world law or world disarmament—and that it will be useless until the leaders of the Soviet Union adopt a more enlightened attitude. I hope they do. I believe we can help them do it. But I also believe that we must reexamine our own attitude—as individuals and as a Nation—for our attitude is as essential as theirs. And every graduate of this school, every thoughtful citizen who despairs of war and wishes to bring peace, should begin by looking inward—by examining his own attitude toward the possibilities of peace, toward the Soviet Union, toward the course of the cold war and toward freedom and peace here at home.

First: Let us examine our attitude toward peace itself. Too many of us think it is impossible. Too many think it unreal. But that is a dangerous, defeatist belief. It leads to the conclusion that war is inevitable—that mankind is doomed—that we are gripped by forces we cannot control.

We need not accept that view. Our problems are manmade—therefore, they can be solved by man. And man can be as big as he wants. No problem of human destiny is beyond human beings. Man's reason and spirit have often solved the seemingly unsolvable—and we believe they can do it again.

I am not referring to the absolute, infinite concept of universal peace and good will of which some fantasies and fanatics dream. I do not deny the value of hopes and dreams but we merely invite discouragement and incredulity by making that our only and immediate goal.

Let us focus instead on a more practical, more attainable peace—based not on a sudden revolution in human nature but on a gradual evolution in human institutions—on a series of concrete actions and effective agreements which are in the interest of all concerned. There is no single, simple key to this peace—no grand

or magic formula to be adopted by one or two powers. Genuine peace must be the product of many nations, the sum of many acts. It must be dynamic, not static, changing to meet the challenge of each new generation. For peace is a process—a way of solving problems.

With such a peace, there will still be quarrels and conflicting interests, as there are within families and nations. World peace, like community peace, does not require that each man love his neighbor—it requires only that they live together in mutual tolerance, submitting their disputes to a just and peaceful settlement. And history teaches us that enmities between nations, as between individuals, do not last forever. However fixed our likes and dislikes may seem, the tide of time and events will often bring surprising changes in the relations between nations and neighbors.

So let us persevere. Peace need not be impracticable, and war need not be inevitable. By defining our goal more clearly, by making it seem more manageable and less remote, we can help all peoples to see it, to draw hope from it, and to move irresistibly toward it. Second: Let us reexamine our attitude toward the Soviet Union. It is discouraging to think that their leaders may actually believe what their propagandists write. It is discouraging to read a recent authoritative Soviet text on Military Strategy and find, on page after page, wholly baseless and incredible claims—such as the allegation that “American imperialist circles are preparing to unleash different types of wars ... that there is a very real threat of a preventive war being unleashed by American imperialists against the Soviet Union ... [and that] the political aims of the American imperialists are to enslave economically and politically the European and other capitalist countries... [and] to achieve world domination ... by means of aggressive wars.”

Truly, as it was written long ago: “The wicked flee when no man pursueth.” Yet it is sad to read these Soviet statements—to realize the extent of the gulf between us. But it is also a warning—a warning to the American people not to fall into the same trap as the Soviets, not to see only a distorted and desperate view of the other side, not to see conflict as inevitable, accommodation as impossible, and communication as nothing more than an exchange of threats.

No government or social system is so evil that its people must be considered as lacking in virtue. As Americans, we find communism profoundly repugnant as a negation of personal freedom and dignity. But we can still hail the Russian people for their many achievements—in science and space, in economic and industrial growth, in culture and in acts of courage.

Among the many traits the peoples of our two countries have in common, none is stronger than our mutual abhorrence of war. Almost unique, among the major world powers, we have never been at war with each other. And no nation in the history of battle ever suffered more than the Soviet Union suffered in the course of the Second World War. At least 20 million lost their lives. Countless millions of homes and farms were

burned or sacked. A third of the nation's territory, including nearly two thirds of its industrial base, was turned into a wasteland—a loss equivalent to the devastation of this country east of Chicago.

Today, should total war ever break out again—no matter how—our two countries would become the primary targets. It is an ironic but accurate fact that the two strongest powers are the two in the most danger of devastation. All we have built, all we have worked for, would be destroyed in the first 24 hours. And even in the cold war, which brings burdens and dangers to so many countries, including this Nation's closest allies—our two countries bear the heaviest burdens. For we are both devoting massive sums of money to weapons that could be better devoted to combating ignorance, poverty, and disease. We are both caught up in a vicious and dangerous cycle in which suspicion on one side breeds suspicion on the other, and new weapons beget counter-weapons.

In short, both the United States and its allies, and the Soviet Union and its allies, have a mutually deep interest in a just and genuine peace and in halting the arms race. Agreements to this end are in the interests of the Soviet Union as well as ours—and even the most hostile nations can be relied upon to accept and keep those treaty obligations, and only those treaty obligations, which are in their own interest.

So, let us not be blind to our differences—but let us also direct attention to our common interests and to the means by which those differences can be resolved. And if we cannot end now our differences, at least we can help make the world safe for diversity. For, in the final analysis, our most basic common link is that we all inhabit this small planet. We all breathe the same air. We all cherish our children's future. And we are all mortal.

Third: Let us reexamine our attitude toward the cold war, remembering that we are not engaged in a debate, seeking to pile up debating points. We are not here distributing blame or pointing the finger of judgment. We must deal with the world as it is, and not as it might have been had the history of the last 18 years been different.

We must, therefore, persevere in the search for peace in the hope that constructive changes within the Communist bloc might bring within reach solutions which now seem beyond us. We must conduct our affairs in such a way that it becomes in the Communists' interest to agree on a genuine peace. Above all, while defending our own vital interests, nuclear powers must avert those confrontations which bring an adversary to a choice of either a humiliating retreat or a nuclear war. To adopt that kind of course in the nuclear age would be evidence only of the bankruptcy of our policy—or of a collective death-wish for the world.

To secure these ends, America's weapons are nonprovocative, carefully controlled, designed to deter, and capable of selective use. Our military forces are committed to peace and disciplined in self-restraint. Our diplomats are instructed to avoid unnecessary irritants and purely rhetorical hostility.

For we can seek a relaxation of tensions without relaxing our guard. And, for our part, we do not need to use threats to prove that we are resolute. We do not need to jam foreign broadcasts out of fear our faith will be eroded. We are unwilling to impose our system on any unwilling people—but we are willing and able to engage in peaceful competition with any people on earth.

Meanwhile, we seek to strengthen the United Nations, to help solve its financial problems, to make it a more effective instrument for peace, to develop it into a genuine world security system—a system capable of resolving disputes on the basis of law, of insuring the security of the large and the small, and of creating conditions under which arms can finally be abolished.

At the same time we seek to keep peace inside the non-Communist world, where many nations, all of them our friends, are divided over issues which weaken Western unity, which invite Communist intervention or which threaten to erupt into war. Our efforts in West New Guinea, in the Congo, in the Middle East, and in the Indian subcontinent, have been persistent and patient despite criticism from both sides. We have also tried to set an example for others—by seeking to adjust small but significant differences with our own closest neighbors in Mexico and in Canada.

Speaking of other nations, I wish to make one point clear. We are bound to many nations by alliances. Those alliances exist because our concern and theirs substantially overlap. Our commitment to defend Western Europe and West Berlin, for example, stands undiminished because of the identity of our vital interests. The United States will make no deal with the Soviet Union at the expense of other nations and other peoples, not merely because they are our partners, but also because their interests and ours converge.

Our interests converge, however, not only in defending the frontiers of freedom, but in pursuing the paths of peace. It is our hope—and the purpose of allied policies—to convince the Soviet Union that she, too, should let each nation choose its own future, so long as that choice does not interfere with the choices of others. The Communist drive to impose their political and economic system on others is the primary cause of world tension today. For there can be no doubt that, if all nations could refrain from interfering in the self-determination of others, the peace would be much more assured.

This will require a new effort to achieve world law—a new context for world discussions. It will require increased understanding between the Soviets and ourselves. And increased understanding will require increased contact and communication. One step in this direction is the proposed arrangement for a direct line between Moscow and Washington, to avoid on each side the dangerous delays, misunderstandings, and misreadings of the other's actions which might occur at a time of crisis.

We have also been talking in Geneva about other first-step measures of arms control, designed to limit the intensity of the arms race and to reduce the risks of accidental war. Our primary long-range interest in Geneva, however, is general and complete disarmament—designed to take place by stages, permitting parallel

political developments to build the new institutions of peace which would take the place of arms. The pursuit of disarmament has been an effort of this Government since the 1920's. It has been urgently sought by the past three administrations. And however dim the prospects may be today, we intend to continue this effort—to continue it in order that all countries, including our own, can better grasp what the problems and possibilities of disarmament are.

The one major area of these negotiations where the end is in sight, yet where a fresh start is badly needed, is in a treaty to outlaw nuclear tests. The conclusion of such a treaty, so near and yet so far, would check the spiraling arms race in one of its most dangerous areas. It would place the nuclear powers in a position to deal more effectively with one of the greatest hazards which man faces in 1963, the further spread of nuclear arms. It would increase our security—it would decrease the prospects of war. Surely this goal is sufficiently important to require our steady pursuit, yielding neither to the temptation to give up the whole effort nor the temptation to give up our insistence on vital and responsible safeguards.

I am taking this opportunity, therefore, to announce two important decisions in this regard.

First: Chairman [Nikita] Khrushchev, Prime Minister [Harold] Macmillan, and I have agreed that high-level discussions will shortly begin in Moscow looking toward early agreement on a comprehensive test ban treaty. Our hopes must be tempered with the caution of history—but with our hopes go the hopes of all mankind.

Second: To make clear our good faith and solemn convictions on the matter, I now declare that the United States does not propose to conduct nuclear tests in the atmosphere so long as other states do not do so. We will not be the first to resume. Such a declaration is no substitute for a formal binding treaty, but I hope it will help us achieve one. Nor would such a treaty be a substitute for disarmament, but I hope it will help us achieve it.

Finally, my fellow Americans, let us examine our attitude toward peace and freedom here at home. The quality and spirit of our own society must justify and support our efforts abroad. We must show it in the dedication of our own lives—as many of you who are graduating today will have a unique opportunity to do, by serving without pay in the Peace Corps abroad or in the proposed National Service Corps here at home.

But wherever we are, we must all, in our daily lives, live up to the age-old faith that peace and freedom walk together. In too many of our cities today, the peace is not secure because freedom is incomplete.

It is the responsibility of the executive branch at all levels of government—local, State, and National—to provide and protect that freedom for all of our citizens by all means within their authority. It is the responsibility of the legislative branch at all levels, wherever that authority is not now adequate, to make it

adequate. And it is the responsibility of all citizens in all sections of this country to respect the rights of all others and to respect the law of the land.

All this is not unrelated to world peace. “When a man’s ways please the Lord,” the Scriptures tell us, “he maketh even his enemies to be at peace with him.” And is not peace, in the last analysis, basically a matter of human rights—the right to live out our lives without fear of devastation—the right to breathe air as nature provided it—the right of future generations to a healthy existence?

While we proceed to safeguard our national interests, let us also safeguard human interests. And the elimination of war and arms is clearly in the interest of both. No treaty, however much it may be to the advantage of all, however tightly it may be worded, can provide absolute security against the risks of deception and evasion. But it can—if it is sufficiently effective in its enforcement and if it is sufficiently in the interests of its signers—offer far more security and far fewer risks than an unabated, uncontrolled, unpredictable arms race.

The United States, as the world knows, will never start a war. We do not want a war. We do not now expect a war. This generation of Americans has already had enough—more than enough—of war and hate and oppression. We shall be prepared if others wish it. We shall be alert to try to stop it. But we shall also do our part to build a world of peace where the weak are safe and the strong are just. We are not helpless before that task or hopeless of its success. Confident and unafraid, we labor on—not toward a strategy of annihilation but toward a strategy of peace.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Диаграмма стилистического анализа публичных выступлений Дж. Кеннеди.

